

Ольга Фоминична Ладохина

Юрий Тынянов на подступах к созданию романов нового жанра

Особый вклад в развитие жанра филологического романа внес Ю. Тынянов. По складу ума он был изобретателен, артистичен, «целостен в своих творческих проявлениях», поэтому резкой границы между его критическими текстами и литературными произведениями провести невозможно. Исследователи биографии Ю. Тынянова назвали это качество «творческим универсализмом», заметив, что таких «максимальных сближений критики с научной историей литературы» не достигал никто. Л. Гинзбург писала в статье «Тынянов-литературовед», что он – «филолог и автор романов... для него это единое литературное дело» [59: 465]. Вл. Новиков обращал внимание на способность Тынянова «сопрягать науку с литературой»: «Писатель, “сидящий” внутри литературоведа, может помочь ему в исследовании, а может и помешать. Сочетание этих двух начал – тонкое, трудно поддающееся сознательному регулированию дело [16: 66]. Для Тынянова было абсолютно естественным слияние науки и искусства, и это дало возможность заглянуть в творческую лабораторию писателей. Он следовал в своих работах принципу: «Там, где кончается документ, там я начинаю» [16: 70].

Жанровая природа трилогии Ю. Тынянова («Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», «Пушкин») до сих пор вызывает споры: его книги относят то к жанру исторического романа, то к жанру романа-биографии. В статье «Литературная эволюция» Ю. Тынянов утверждал важность понятия «жанр»: «Нужным и должным науке кажется роман. Здесь вопрос сложный, один из центральных вопросов. Дело в том, что исчезло ощущение жанра... рассказ стерся, малая форма не ощущается – стало быть, требуется что-то противоположное – большая форма, а стало быть, роман» [147: 393]. Дискуссия литературоведов о жанре романов Тынянова связана с особенностью их текстов – в них научная мысль переплетается с художественной, по определению М. Гаспарова: «Первый роман Тынянова был беллетристикой, соседствующей с наукой, второй – беллетристикой, подменяющей науку, третий – беллетристикой, дополняющей науку» [53: 18].

Как ученого и писателя Ю. Тынянова всегда привлекала личность Пушкина. Академическое литературоведение к началу XX века излишне канонизировало поэта, что вызывало негативную реакцию Ю. Тынянова. В 1922 году он заканчивает статью «Мнимый Пушкин», через два года – статью «Архаисты и Пушкин», в которых пишет о «живом» Пушкине, отрекаясь от устоявшихся представлений о поэте. В 1925 году К.И.

Чуковский заказывает Ю. Тынянову статью о Кюхельбекере; через три недели им была написана работа, существенно превышающая поставленную задачу. Статьи «Пушкин и Кюхельбекер», «Архаисты и Пушкин», в которых заметен переход от научного стиля к художественному, и легли в основу будущего романа «Кюхля». Его нельзя назвать ни романом-биографией, ни историческим романом в строгом смысле слова. Ю. Тынянов объединил в главного героя своего произведения персонажей своих литературоведческих статей, проведя немислимые для других параллели.

Так, в одной из первых рецензий на роман Н. Асеев замечал, что образ главного героя списан с Хлебникова. Роман насыщен цитированием стихов Пушкина («В последний раз, в сени уединенья, // Моим стихам внимает наш пенат. // Лицейской жизни милый брат, // Делю с тобой последние мгновенья» [20: 73]), Г. Державина («Глагол времен! Металла звон // Твой страшный глас меня смущает...» [20: 56]), В. Жуковского («Зачем, зачем вы разорвали // Союз сердец? // Вам розно быть! Вы им сказали – // Всему конец» [20: 77]) и, конечно, в первую очередь, – самого Вильгельма Кюхельбекера («... Здесь я видел обещанье // Светлых, беззаботных дней: // Но и здесь не спит страданье, // Муз пугает звон цепей!» [20: 142]; «Злодеям грозный бич свистит //И краску гонит с их ланит, //И власть тиранов задрожала» [20: 125]).

Для решения художественных задач Тынянов использовал язык пушкинской эпохи: в тексте нашли отражение специфические обороты разговорной речи (торг мерзейшими стихами, вскидывал на него глаза), варваризмы французские (cher amiral, monsieur; coup detat) и итальянские (Firenta la Bella), особенная манера обращений (барон Дельвиг, его величество). Строгость научного подхода к жизнеописанию поэта пушкинской поры в то же время не помешала автору привлечь внимание читателя к эмоциональной стороне жизни главного героя. Современник Ю. Тынянова Б. Эйхенбаум отмечал в этой связи: «Перед нами исторический роман, а между тем он местами лиричен, как поэма. В последней главе ритм и интонация отвоевывают себе уже большой самостоятельный участок – в виде отступления... Это уже не столько “повесть о декабристе”, сколько плач о нем» [169: 94]. В пользу того, что это все-таки исторический роман, могло говорить и обилие в нем документального материала, но переписка, включенная в него, в первую очередь, несла эмоциональную нагрузку.

Исследуя жанровое своеобразие этих романов, А.Ю. Петанова замечает: «Композиция романа, его стиль и язык, изображение главного героя – все это свидетельствует о том, что перед нами произведение той

самой “новой прозы”, появление которой “предрекал” Тынянов-литературовед» [118: 90], а ранее – современники и почитатели В. Розанова.

Она отмечает также, что «роман “Кюхля” оказался результатом плодотворного синтеза науки и литературы, явился продолжением историко-литературных работ Тынянова, написан по догадке» [118: 393]. Можно заметить, что черты, подмеченные исследователем, вполне вписываются в жанр, сформулированный гораздо позже создания этих произведений, – жанр филологического романа, так как Тынянов обращается в них к литературоведческим проблемам, намечает образы героев будущих романов – поэтов и писателей Грибоедова, Пушкина.

Споры ведутся также по поводу жанра второго романа Ю. Тынянова – «Смерть Вазир-Мухтара». В книге В. Каверина и Вл. Новикова «Новое зрение» рассматриваются излюбленные мотивы, образы, сюжеты Ю. Тынянова: «Они как марка мастера» [80: 292], они – ключ к творчеству писателя, раскрывающий единство образной системы, принцип ее построения и основные линии развития сюжета. Авторы монографии о Тынянове считают, что «Смерть Вазир-Мухтара» – это психологический роман; фактические материалы в нем даются в педантически строгом соответствии с документальными данными, в основу положены архивные документы, дневники, письма, заметки. Здесь Тынянова можно скорее назвать историческим комментатором, чем писателем: «...в воображаемых линиях заключен тот секрет романа, раскрыв который легче всего проникнуть в его глубину, продемонстрировать законы его конструкции» [80: 296]. Авторы «Нового зренья» подчеркивают, что в романе нет пафоса документализма, воображаемые линии довлеют над «документальными точками», композиционно подчиняя их себе: «Именно эти воображаемые линии и являются принципом связи и, следовательно, формы, структуры романа» [80: 296]. Исследователи считают, что в нем «историческая документальность подчинена историческому замыслу», что в нем «писатель вынужден отождествлять себя с героями изображаемой эпохи (отсюда стилистический принцип вчувствования в романе Тынянова), что история в нем отдана на откуп биографии и психологии главного героя» [80: 298].

Одна из самых важных для Ю. Тынянова линий романа – сюжетная линия взаимоотношений А. Грибоедова и А. Пушкина. Как ни парадоксально, в суждениях автора «Горя от ума» о создателе «Евгения Онегина» больше отчуждения и холодности, чем восхищения его талантом. Чего здесь больше? Может быть, опасения конкуренции на поэтическом поприще: «С Пушкиным должно быть осторожным. Он смутил его, как чужой породы человек» [21: 54], или неприятия конформизма в отношении «вешателя» лидеров декабристского восстания: «Грибоедов читал, как и все, – стансы Пушкина. Пушкин смотрел вперед безбоязно, в надежде славы

и добра, – в этих стансах. Казни прощались Николаю, как Петру» [21:151], а может быть, просто неприятие каких-то человеческих качеств Пушкина: «Он очень быстрый, прыгает, и вдруг холоден и вежлив. И тогда говорит комплименты и дерзости, как француз» [21: 348]. Пушкин не отвечает Грибоедову тем же. В его словах – только зрелая доброжелательная оценка творчества более старшего коллеги по литературному цеху: «Пушкин помолчал. Он соображал, взвешивал. Потом кивнул: – Это просто, почти Библия. Завидую вам. Какой стих: “Нет друга на земле и в небесах”» [21: 156], а также точная, без лишней скромности, оценка их места в русской литературе и пророческие слова о будущей трагической судьбе обоих: «Мы встретимся. Я рад. Нас немного, да и тех нет» [21: 55].

Некоторые критики, особенно из плеяды критиков Русского Зарубежья, оставили нелестные замечания об этом тыняновском романе, обращая внимание на то, что он перенасыщен показной «литературностью» (Г. Адамович), другие отмечали, что автор посмел реконструировать историческую действительность, заполнил роман «выдумками», не имеющими отношения к действию (Д. Святополк-Мирский), других настораживал «кривляющийся» стиль, из-за которого терялась подлинная художественность (Г. Струве). Но все отмечали, что автор находился «в поиске жанра», что объясняет во многом мозаичность повествования в романе, который отдаленно связан с биографией А. Грибоедова.

Заслуга Тынянова в том, что он в художественное произведение внес фактический материал об отношении Грибоедова к литературе: «Сволочь литературных самолюбий была ненавистна Грибоедову. Он втайне ненавидел литературу. Она была в чужих руках, все шло боком, делали не то, что нужно. Литературные мальчики, которые, захлебываясь, читали новые стихи Пушкина и с завистью оспаривали друг перед другом первенство в сплетнях и мелочах. Литературные старцы времен Карамзина, изящные и надменные скопцы с их остроумием безделками. Наконец, непостижимый, с незаконным правом нежного стиха и грубых разговоров Пушкин, казавшийся ему непомерным выскочкой, временщиком поэзии» [21: 62]. В романе разговоры о литературе ведут Греч, Булгарин, братья Полевые, перед читателем возникает картина жизни русских литераторов. «Литературные обеды» украшены бессмертными текстами, например: «Ну как не порадовать родному человечку» («Горе от ума») [21: 422]; «Мечты, мечты, где ваша сладость...» («Элегия» Пушкина) [21: 348]. А. Солженицын уловил особенность тыняновского романа: «Тут сконцентрирована едкость его взгляда. К манере язвительного комментария он не раз еще в романе возвращается. Местами это воспринимаешь как авторскую брезгливость и к материалу и к персонажам» [137: 78].

Одной из особенностей романа Ю. Тынянова «Пушкин» также являлись многочисленные отсылки к литературным источникам, что позволяет охарактеризовать это произведение как своеобразную предтечу филологического романа: «Герои говорят цитатами своих произведений, писем, статей, и при этом произведений, написанных как раз в те годы, когда разворачивается действие романа. В текст романа вставлены неизменными куски из записок Пушкина, дневника Кюхельбекера, записок Каратыгина, целые абзацы из писем Грибоедова к друзьям» [36: 298]. Известно, что ко времени написания романа «Пушкин» часто неверно трактовались личность и творчество поэта, потому-то Тынянов старался добраться до истины, пытаясь показать процесс рождения поэтического творчества, его связь со временем и личностью поэта. Его способность ощущать литературную жизнь прошлого как живой процесс помогла создать роман, в котором жизнь «трансформируется поэтом в другую форму материи – литературу» [36: 370].

Автор романа, используя цитаты из произведений известных стихотворцев начала XIX века, дает емкую информацию об особенностях стилей: меланхоличного К. Батюшкова: «Пока летит за нами // Бог времени седой // И губит луг с цветами // Безжалостной косой...» [22: 263], патриархального Н. Карамзина: «Должность, нежность и любовь // Купно верность награждают» [22:431], романтического В. Жуковского: «На поле бранном тишина. // Огни между шатрами. // Друзья, здесь светит нам луна, // Здесь свод небес над нами...» [22:462], едкого А. Грибоедова: «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом //И крепко на руку нечист...» [22:618]. Все эти интертекстуальные отсылки Ю. Тынянова не только служат целям передачи атмосферы литературной среды того времени, но и дают возможность проследить, как поэты-корифеи влияли на формирование поэтического таланта лицеиста Пушкина. Для характеристики процесса воспитания свободолюбия юного поэта автор романа цитирует записки профессора Царскосельского лицея А.Куницына: «Пушкин, который никогда не задает никаких вопросов, вдруг спросил меня после классов: есть ли еще на земле народы, находящиеся в этом состоянии...» [22: 303] (преподаватель рассказывал лицеистам о «первобытной» свободе); а также приводит слова П. Чаадаева из его беседы с Пушкиным о свободе в России: «Главное, что мешает всему, – заразительность рабства. Нет уже деревни в военном поселении. Вплоть до цезаря им заражены» [22: 598].

Тынянов вводит в роман и неявные цитаты из произведений А. Пушкина – картины пушкинского времени выстроены на основе его текстов, что является одной из особенностей романа «Пушкин»: «Единственно крепкою верою в доме Пушкиных была вера в приметы и гадания. Марья Алексеевна, если встречала бабу с пустыми ведрами, тотчас

возвращалась домой. Надежда Осиповна боялась сглаза. Девушкой она всегда на святках лила воск и нагадала суженого с острым носом. Даже Сергей Львович, встречая попа, тихонько складывал кукиш. О чудесных совпадениях бабушка Марья Алексеевна рассказывала по вечерам, не торопясь» [22: 58]. В последней части недописанного романа можно найти многочисленные отсылки к «Евгению Онегину». «Уже кричал бутушник: “Стой! Пади!” – и вдруг он остановился», «Каждый день, без единого пропуска стал он бывать в театре» [22: 609] – Онегин; к «Каменному гостю»: «Да, он был школяром; быть может, то, что она была молодой вдовой, всего более ему нравилось. Тень ревнивца мужа, которая являлась из хладной закоцитной стороны, чтоб отомстить любовникам, мерещилась ему во времена этих свиданий» [22: 540].

О «филологичности» романа свидетельствует и то, что Ю. Тынянов здесь выступает в двух ипостасях: как художник и как литературовед, причем аналитический ум исследователя отнюдь не мешает воображению художника создать образ поэта во всей полноте и многообразии. Л. Гинзбург замечала: «Читатель видел... незаменимую связь изучения литературы с самой литературой, с артистическим пониманием литературы прошлых лет, с острым интересом к проблематике литературы современной. Читатель безошибочно чувствовал, что этот ученый – сам участник процесса 1920 – 1930-х гг.» [59: 447].

Роман Ю. Тынянова значительно отличается от научной биографии и от привычного жизнеописания Пушкина. Изменена стилистика: наблюдение извне заменяется описанием развития характера героя. Тынянов задумал роман о жизни поэта, успев написать только две части: «Лицей» и «Юность». Пушкинские строки стали объектом наблюдения во второй части романа: они выражают настроение юного поэта, о них говорят критик-гувернер Иконников и лицейский преподаватель Кошанский, знаменитый поэт Державин, который, услышав «Воспоминания в Царском Селе», высказался однозначно: «Оставьте его поэтом». В незаконченной части романа стихи Пушкина становятся не просто объектом исследования, но и документом, позволяющим раскрыть биографические детали жизни поэта. Ключевое слово для которых, по мнению автора, было «вольность»: «Одною вольностью дорожил, только для вольности жил. А не нашел нигде, ни в чем – ни в любви, ни в дружбе, ни в младости. Полюбил и узнал, как томятся в темнице разбойники: ни слова правды, ни стиха» [22: 605].

Действующим лицом всех трех романов Тынянова является Пушкин. В романе «Кюхля» он – романтик, в «Смерти Вазир-Мухтара» – дипломат, в последнем романе Тынянов создал многомерный портрет своего героя, проследив формирование Пушкина как творческой личности.

В трилогии представлен синтез художественного и литературоведческого начал, что дает основание отнести все три его произведения к тому жанру филологического романа. В них документальность соседствует с воображением, цитирование литературных источников создает многослойный культурный фон, автор в них выступает в трех ипостасях: как писатель, литературовед и культуролог. Тынянов показал становление творческой личности в неразрывной связи с эпохой. Если помнить, что «поэзия и филология – на глубинном уровне почти одно и то же», то романы Ю. Тынянова определенно можно считать предтечей филологических романов.

Источник: <http://indbooks.in/mirror5.ru/?p=242362>